

Алла Калганова

Авдотьюшка. Детство

18+

Алла Калганова

Авдотьюшка. Детство

«Автор»

2026

Калганова А.

Авдотьюшка. Детство / А. Калганова — «Автор», 2026

Эта книга погружает читателя в жизнь простой крестьянской семьи и нелёгкой, бесправной женской доли на стыке веков. В центре повествования — судьба девочки Авдотьи и её семьи, где слово отца – закон, а участь женщины - повиновение и смирение.

© Калганова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семья	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алла Калганова

Авдотьюшка. Детство

Глава 1. Семья

Вода медленно накатывала на деревянные мостки, замирала на мгновение и уходила обратно, тихо унося с собой опавшие листья. Анна поднялась с колен, ещё раз отжала выplosканную рубаху и бросила её в деревянное ведро. Затем сняла с головы платок и пригладила ладонью тёмные волосы, выбившиеся из тугого пучка на голове. Волосы, когда-то бывшие её гордостью, густые, тёмно-каштановые – теперь уже тронула седина.

Высокая, справная, ещё не старая женщина ловко повязала платок, подхватила коромыслами тяжёлые вёдра, с мокрым бельём, и привычно водрузила на плечи. Анна присела и подхватила ещё одно ведро, полное до краёв. В доме вода всегда нужна, и ходить порожней она не привыкла. Вода в ведре всколыхнулась, пытаясь выплеснуться, но быстро успокоилась, подрагивая в такт плавной походке.

На полпути к дому женщина остановилась, поставила ведро с водой на землю и ловко перекинула коромысло на другое плечо. «Чай, уж не молодка, – подумала вскользь Анна. – Раньше-то до самого дома носила воду на одном плече, а сейчас уже с роздыхом».

Вот уж и изба показалась на дальнем конце улицы – старая, но крепкая, под соломенной крышей, с новой трубой. Труба эта – светлая, каменная, заметно выделялась на старой, потемневшей соломенной крыше. «Ничего, – подумала Анна. – Бог даст, и крышу новую справим». А пока она радовалась и печке – сколько лет она уговаривала мужа сложить новую. Сам-то ведь печник, а в доме старая печь дымила. Но пока был жив свёкор, в избе всё исполнялось по его воле, вот и старую печку не позволял трогать. И даже после его смерти несколько лет всё шло по-старому. Но вот то лаской, то поклонами, а всё же добились Анна от мужа новой печи. Не такая большая, как прежняя, она хорошо держала тепло в избе, не чадила, да и хлеб в ней получался не ляклый и пригорелый, а лёгкий и пахучий.

Она опять переложила коромысло на другое плечо и ускорила шаг – что-то сегодня припозднилась со стиркой. Небось муж уже дома, да и ребятишки одни, взаперти. Старший-то, Петька, помощник, с отцом за дровами уехал, в засеку, а Семён, хоть и помладше, но дома тоже не удержишь, несмотря на наказ матери оставаться дома. А за младшими-то кто без неё присмотрит? Четверых ребят родила, а помощницы бог не дал. Анна хотела перекреститься, да руки не освободить. Она тяжело вздохнула, войдя во двор, поставила тяжёлые вёдра на лавку у завалинки и поспешила в избу.

Мужа ещё не было, а дети смирно играли на полатах. Вернувшись во двор, она принялась развешивать бельё на деревянном заборе. По пути сняла чистую махотку с частокола. Затем плеснула принесённой воды в миску старому кобелю, долила в корыто для птицы, а остаток из ведра перелила в раукомойник, висевший обычно зимой в избе, а по летнему времени – на улице, у двери. Затем на минутку присела на завалинку и потёрла поясницу – опять прихватило.

Но раассиживаться долго лишь время терять – хозяйство, хоть и небольшое, постоянно требовало рук. Другой раз в страду за целый день и не присядешь – набьёшь брюхо на бегу, и снова за работу. Но сейчас огородно-полевые работы были уже позади. Настала пора лёгкой передышки, когда закрома заполнены, и на душе уже чуть теплее и спокойнее. Выдались редкие минуты, когда она могла не спешить, когда никто не осудит и не прикрикнет, что работа стоит.

А в голову всё лезли бабьи мысли – вот уж полгода прошло, как родила мёртвого ребёнка, а всё ещё не оправилась: всё так же тянуло спину, и «бабьи дела» в норму не пришли. «Наверно, уж и не придут, отрожалась», – то ли с облегчением, то ли с горечью подумала она. Но где-то внутри ещё теплилась надежда – девку надо бы, лебёдушку... Четыре парня бегали по двору, трое легли в сырую землю, а девки бог ни разу не дал, как она ни молилась, как ни просила. Тяжело вздохнув и положив руку на поясницу, поднялась и поспешила в избу – дел полно, скоро муж из леса вернётся. До Покрова надо бы на кладбище сходить, прибраться там перед зимой на могилах – пронеслось в голове.

Вдалеке заржала лошадь. Анна повернулась и посмотрела за околицу – муж возвращался из леса, с дровами. Она поспешила к воротам, собранным из жердей, скинула петлю, и, приподняв створку, оттянула её в сторону. Михаил вёл лошадь под узцы, а старший сын шёл рядом. Заслышав скрип телеги, из дома выбежали младшие ребяташки. Анна обернулась и прикрикнула на них: «Марш в избу! Что голяком-то выскочили, негодники?!»

Ребята послушно скрылись в сених. Передав поводья жене, Михаил с сыном молча стали разгружать телегу.

– Пока хватит, остальное по первому снегу на санях перевезём, – вымолвил он.

Анна выпрягла лошадь, приготовила ведро с водой, но поить пока не стала – пусть отдохнёт да остынет малость.

– Не пои, пусть Сёмка на водопой сведёт, – скривился муж. – Где он там пропадает?

Убрав ведро, Анна принялась помогать сыну сгружать дрова в кучу. Она старалась брать за более тяжёлый комель, а Петьке подсовывала полегче.

Когда телегу разгрузили, отец с сыном сели на завалинку, передохнуть. Анна же кинулась в избу, накрывать на стол. Но прежде схватила ведро, наполнила его из чугунка тёплой водой, сдёрнула с верёвки у печи полотенце и вынесла во двор, мужикам умыться. На улице стало уже по-осеннему прохладно, и она хотела слить им в сених, но муж не захотел в избу, да и сын, следом за отцом, решил ополоснуться на улице. Анна только покачала головой, глядя на его хилое подростковое тело, но сказать ничего не посмела.

В это время во дворе показался Сёмка. Он хотел незаметно прошмыгнуть в дом, но был остановлен матерью: «Серого на водопой сведи, – тихо сказала она». Сёмка нахмурился, но перечить не посмел – знал, что отец за послушание не просто перстом пригрозит...

Тем временем, насухо растеревшись полотенцем и надев чистые рубахи, отец и сын пошли в дом. Ужинали молча. Дверь тихо скрипнула, и в избу вошёл Семён, водивший лошадь на водопой. Увидев всех за столом, шустро уселся на лавку и походя сунул ложку в большую миску в центре стола, за что тут же получил от отца деревянной ложкой по лбу: «Куды не по порядку!»

Потерев рукой ушибленный лоб, Сёмка, дождавшись своей очереди после старшего брата, поглубже запустил ложку в миску, стараясь подцепить побольше кусочков толчёного сала, за что опять получил от отца. Но не таков Сёмка, чтобы сдаваться. Ложка-то деревянная, а лоб костяной – ничего ему не будет, а брюхо еды просит. Любил Семён поесть, что греха таить. Мать, зная эту его особенность, часто баловала его: то кусок хлеба с солью подсунет, то лишний пирог. Вот и рос паренёк быстро – уж и старшего брата скоро по росту догонит, а в плечах и сейчас шире.

Когда ложки застучали по дну, а младшие, уже наевшись, ушли на полати, Семён, с молчаливого позволения отца, пододвинул миску поближе и кусочком хлеба собрал остатки похлёбки со дна. Посмотрев на мать, которая уже собирала посуду, подобрал недоеденный самым младшим братом кусок хлеба: «Про запас, завтра на рыбалку с утра, пригодится».

Мать ушла на двор, прибраться и закрыть скотину, а отец присел на лавку и закурил самокрутку. Семён подошёл к нему поближе – самое время теперь выпросить у него конского волоса, на леску. Отец намеренно обещал, и теперь Сёмка осмелился напомнить о том.

Когда Анна вернулась в избу, Михаил уже докурил самокрутку и, затушив заскорузлыми пальцами окурочек, не поворачивая головы, сказал:

– К Покрову ребят в школу собери.

Анна подняла глаза на мужа. Старший-то, Пётр, уже два года как учился, а Семён ещё и не приступал. «Мал ещё, – подумала она, но промолчала». А Семён встрепенулся на полатах – в школу? С Петром? Он так обрадовался, что чуть не скатился вниз, но сдержался – не дай бог, отец осерчает на него за непоседливость.

В назначенный день мать подняла ребят пораньше, заставила как следует умыться лицо и руки. Затем достала из сундука две чистых рубахи, сняла с головы гребешок и причесала их непослушные вихры. Пётр дёрнулся было в сторону, но мать сунула ему в руку гребень: «Давай сам тогда».

Отец вошёл в избу, когда братья уже собрались. Перекрестился сам и благословил сыновей.

– С богом, – сказал, – бегите. Да смотрите, не набедокурьте там.

Анна, проводив сыновей, окинула взглядом избу: на столе ещё стояла крынка с недопитым молоком и валялись брошенные в спешке вареники. Анна вздохнула, поправила сползший платок и допила молоко, затем краем рукава отёрла уста и принялась за дела. Сначала она собрала посуду, сполоснула её в шайке и поставила на полку, затем подмела сор с земляного пола. Потом достала из подпечья корчагу, замесила крутое тесто на хлеб – к обеду надо управиться, пока мужик по делам, а ребяташки в школе. Руки её привычно месили, а мысленно уже перебирала, что ещё не сделано: проверить картошку в подполе, починить Петру штаны – вон, коленку опять продрал, – да и Семёну надо бы пришить новую пуговицу к зипуну, чтобы к Покрову всё было как у людей. Она оглянулась на полати, где ещё хранилось тепло их тел, и, вздохнув, принялась перестилать детские постели, вытряхивая сеник и взбивая подушки так, словно хотела выбить из них всю усталость, что накопилась за утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.